

Дерадикализация исламистов: общие теоретические подходы (историографический аспект)

© Нефляшева Н.А.^a, 2022^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9968-0883; innef@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются общие теоретические подходы, сложившиеся в академической науке, к проблеме дерадикализации исламистов. Отмечается, что программы дерадикализации исламистов в разных странах мира относятся к т.н. «мягким мерам» в борьбе с радикальными исламистами. Они нацелены на изменение убеждений и ценностей их участников, их психологическую и социальную реабилитацию, религиозное и профессиональное образование и в идеале должны завершиться интеграцией участника программы в общество.

Автор уделяет особое внимание проблемам дефиниций и выявляет особенности разных академических подходов, сложившихся по поводу возможностей дерадикализации. Под разъединением понимается изменение поведения исламиста-радикала, отказ от применения насилия, выход (как правило, но не всегда) из экстремистской организации, при этом человек может продолжать придерживаться своих убеждений и радикального мировоззрения.

Дерадикализация - это процесс, в результате которого радикал-исламист отказывается не только от применения насилия, но и от экстремистской идеологии, покидает экстремистскую группу и принимает новую систему ценностей, отрицающую насилие как способ достижения политических целей. В заключении статьи даются практические рекомендации для экспертов и практиков, работающих в парадигме дерадикализации.

Ключевые слова: историография, дерадикализация, ислам, исламизм, разъединение, программы дерадикализации

Для цитирования: Нефляшева Н.А. Дерадикализация исламистов: общие теоретические подходы (историографический аспект). *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 70-76. DOI: 10.31857/S032150750022426-0

Deradicalization of Islamists: Theoretical approaches (historiographical aspect)

© Naima A. Nefliasheva^a, 2022^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9968-0883; innef@mail.ru

Abstract. The article is an analysis of academic approaches to the problem of deradicalization of Islamists. Over the past 20 years, programs for the deradicalization of Islamists have been operating in many countries of the world. From the second half of the 2010s, there is an actualization of the problem of deradicalization of Islamists in Russia, where the experience of foreign countries and various strategies and practices of deradicalization began to be critically received. The author notes that all deradicalization programs are structurally similar and consist of various blocks - religious, educational, psychological, social rehabilitation. Great importance in the deradicalization programs is given to religious dialogue with Ulama, Imams and religious authorities. The final part of the programs is the return of the participants to their community and family. The programs are aimed at changing not only the behavior of the program participant, namely his refusal to use violence in the implementation of political goals, but also at changing their key attitudes and values. The author pays special attention to the problems of definitions "deradicalization" and "disengagement".

Disengagement refers to a change in the radical Islamist's behavior, renunciation of the use of violence, exit (usually, but not always) from an extremist organization, while the persons can continue to adhere to their beliefs and radical worldview. Deradicalization is the process by which an Islamist renounces not only the use of violence, but also an extremist ideology, leaves an extremist group and adopts a new value system that rejects violence as a way to achieve political goals.

The historiographic analysis of the literature allowed the author to identify recommendations that are important in the implementation of programs and current practices of deradicalization.

Keywords: historiography, deradicalization, Islam, Islamism, disengagement, deradicalization programs

For citation: Naima A. Nefliasheva. Deradicalization of Islamists: Theoretical approaches (historiographical aspect). *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 70-76. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022426-0

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня во многих странах мира - на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Африке - реализуются программы дерадикализации исламистов. В Европе после начала сирийского конфликта в 2011 г. были

оценены риски, связанные с возвращением иностранных боевиков, что стимулировало разработку и финансирование программ, направленных как на профилактику радикализации молодежи, так и на дерадикализацию.

Целесообразность применения в борьбе с экстремизмом и терроризмом не только жестких силовых, но и т.н. «мягких мер», разрушающих в том числе и социальную стигматизацию бывших экстремистов, заняла свое место в практической повестке, была признана и специалистами в силовых структурах, и экспертным сообществом. Растет и академический интерес к теории, программам и конкретным практикам дерадикализации, что выражается в росте публикаций самого разного характера [1].

Со второй половины 2010-х гг. актуализируется проблематика дерадикализации исламистов в России - налицо тенденция осмысления концептуальных основ дерадикализации исламистских групп, применяющих в своей практике насилие; анализируются внешние и индивидуальные факторы радикализации мусульман; были намечены междисциплинарные подходы к решению проблемы; осваивается опыт зарубежных стран и различные стратегии дерадикализации. В последние годы в России проведен ряд круглых столов и конференций, а в Московском государственном психолого-педагогическом университете заработал постоянно действующий семинар¹. В регионах Российской Федерации, прежде всего на Северном Кавказе [2] и в Татарстане, были инициированы отдельные проекты, показавшие свою результативность, хотя о комплексных длительных финансируемых государством программах пока говорить рано.

Программы дерадикализации исламистов в различных странах мира различаются по своим масштабам, длительности, уровню финансирования. Наиболее развернутые программы действуют в Саудовской Аравии, Сингапуре, Малайзии, Индонезии и Шри-Ланке, менее известны программы - в Ираке, на Филиппинах, в Бангладеш, Пакистане, в то время как программы в Египте, Йемене и Ливии были прекращены.

Все программы дерадикализации исламистов, независимо от страны происхождения и историко-культурного контекста, имеют схожие структуры и направлены на работу как с мусульманской молодежью из групп риска, так и с осужденными исламистами-экстремистами. Программы состоят из нескольких взаимосвязанных блоков и нацелены на изменение убеждений и ценностей их участников, их психологическую и социальную реабилитацию, религиозное и профессиональное образование и в идеале должны завершиться интеграцией участника программы в общество.

В настоящее время существуют объективные трудности оценки эффективности программ дерадикализации, т.к. в большей их части не публикуются открытые сведения, и в целом они закрыты для экспертного сообщества. Исследователями и практиками предлагаются разные критерии успешности программ дерадикализации, большинство единодушно в том, что программу можно считать реализованной, если после завершения её участники считают применение насилия неприемлемым, что рассматривается как снижение рисков их повторного вовлечения в террористическую деятельность.

Несмотря на очевидную актуальность темы и обилие программ дерадикализации, ключевые понятия дискурса дерадикализации вызывают дискуссии в академическом сообществе; периодически поднимается вопрос о необходимости их концептуальной проработки, уточнения и ясности. «Практические элементы дерадикализации значительно превзошли теоретическую подоплеку», - писал профессор Д.Кохлер, директор немецкого Института исследований радикализации и дерадикализации [3].

Цель данной статьи - выявить дефиниции дискурса дерадикализации, определить линии расхождения во взглядах на возможности «разъединения» и «дерадикализации» исламистов.

ВОЙНА ДЕФИНИЦИЙ

Дискурс дерадикализации и терминология, связанная с ним, пришли из западной академической литературы и описываются двумя ключевыми терминами - «*deradicalization*» и «*disengagement*». Если понятие дерадикализация в переводе на русский язык не вызывает разночтений, то с понятием «*disengagement*» возникают определенные сложности. В Кембриджском словаре «*disengagement*» определяется как «*the fact of stopping being involved in something*»². На авторитетном ресурсе *WoordHunt* «*disengagement*» - это «освобождение», «высвобождение», «выделение», «выход из боя»³. В системе *Reverso Context* «*disengagement*» пере-

¹ Проблемы дерадикализации молодежи на постсоветском пространстве. Международная конференция - круглый стол 09.11.2017 в рамках VIII Казанского Международного научного форума «Ислам в мультикультурном мире». Ч. 1. <https://www.youtube.com/watch?v=LcZ5jLUnLew> (accessed 20.09.2022); Ч. 2. <https://www.youtube.com/watch?v=gyFCwLiZcJM> (accessed 20.09.2022); Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 9-11 октября 2018 г.). Казань, 2018.

² Cambridge Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

³ <https://woordhunt.ru/word/disengagement> (accessed 29.04.2022)

водится как «размежевание», «разъединение», «уход», «сворачивание», «прекращение деятельности»⁴. В этой статье в качестве рабочего термина, аналогичного понятию «*disengagement*», автор использует слово «разъединение».

С 2010-х гг., когда исследования программ дерадикализации исламистов стали стремительно нарастать, оба понятия - и дерадикализация, и разъединение - начали широко обсуждаться (см., например: [4]).

Под разъединением понимается изменение поведения исламиста-радикала, отказ от применения насилия, выход (как правило, но не всегда) из экстремистской организации, при этом человек может продолжать придерживаться своих убеждений и радикального мировоззрения. Дерадикализация - это процесс, в результате которого исламист отказывается не только от применения насилия, но и от экстремистской идеологии, покидает экстремистскую группу и принимает новую систему ценностей, отрицающую насилие как способ достижения политических целей. Разъединение, таким образом, предполагает только изменение поведения, отказ от применения насилия; дерадикализация предполагает и поведенческие, и когнитивные изменения. «Дерадикализация - это процесс относительного изменения, при котором радикальная группа меняет свою идеологию и делегитимизирует использование насильственных методов для достижения политических целей, а также движется к принятию постепенных социальных, политических и экономических изменений в плюралистическом контексте», - писал Омар Ашур, профессор Института постдипломного образования в Дохе, автор одного из фундаментальных исследований «Дерадикализация джихадистов: трансформация вооруженных исламистских движений» [5].

В 2010 г. была опубликована коллективная монография, авторы которой считают, что «есть основания полагать, что дерадикализация - это не просто процесс радикализации в обратном направлении: дерадикализация, по-видимому, имеет свои собственные отличительные черты, некоторые из которых сильно отличаются от факторов, связанных с первоначальной радикализацией» [6, p. 5]. Весьма простым выглядит определение, предложенное группой ученых из Амстердамского Института миграций и этнических исследований: дерадикализация - это противоположность радикализации - просто процесс, позволяющий стать «менее радикальным» [7]. Курт Бреддок, доцент Американского университета (Вашингтон), определил «дерадикализацию» как «психологический процесс, посредством которого человек отказывается от своей экстремистской идеологии и теоретически снижает угрозу повторного вовлечения в террористическую деятельность» [8].

При наличии огромного корпуса исследовательской литературы сложились разные точки зрения на сам факт возможности дерадикализации исламистов.

Некоторые авторы считают, что дерадикализация - призрачная цель и следует сосредоточиться на той стадии работы с террористами и экстремистами, которая называется «разъединением». Профессор университета штата Джорджия Дж.Хоган, последовательный критик самой идеи возможности дерадикализовать (т.е. привести к отказу от своего мировоззрения) человека, вовлеченного в террористическую и экстремистскую деятельность, называет термин «дерадикализация» потенциально опасным и вводящим в заблуждение [9, p. 27]. Хоган и Т.Бьорго (профессор Университета Осло) не рассматривают «разъединение» как неотъемлемую часть дерадикализации, подчеркивая, что стадия «разъединения» достаточна и реалистична, и собственно разъединение (размежевание) и должно стать целью программ дерадикализации [10, p. 21].

КОНЦЕПЦИЯ СМЕНЫ РОЛЕЙ

Дж.Хоган отдает предпочтение термину «разъединение», специально подчеркивая, что разъединение не обязательно подразумевает дерадикализацию. «Отмежевавшийся террорист вовсе не обязательно раскаивается или «дерадикализуется» [9, p. 27]. В своей работе «*Deradicalization programs: recommendations for policy and practice*» он писал, что человек может одновременно и отказаться от террористической деятельности, и быть «дерадикализированным», то есть «больше не поддерживать идеи или идеологию, стоящую за группой или её действиями». С другой стороны, боевик может выйти из террористической группы, не совершать террористические акты, но не быть дерадикализированным, т.е. следовать «своей идеологической или эмоциональной приверженности движению или делу» [11].

Дж.Хоган и К.Бреддок называют процесс, при котором человек отказывается от применения насилия и изменяет свою роль или функцию в радикальной группе, сменой ролей. «Этот процесс может не обязательно включать в себя уход из движения, но чаще всего связан со сменой ролей на время или навсегда» [12, p. 280]. По мнению Хогана, разъединение совсем не означает, что человек «оставляет терроризм позади», он может перейти от одной роли к другой, выполняя другую значимую для радикальной организации или группы роль [9, pp. 21-27]. «Даже в самых маленьких террористических сетях будет множество ролей и функций, и в некоторых случаях можно ожидать, что человек будет одновременно выполнять не-

⁴ <https://context.reverso.net/> (accessed 29.04.2022)

сколько из них. Таким образом, некоторых вполне могут постоянно придерживаться этих ценностей и отношений, и какой-нибудь бывший террорист может на самом деле по-прежнему участвовать в каких-то других социально значимых «поддерживающих» действиях, не будучи вовлеченным ни в какие реальные террористические операции» [9, pp. 20-21].

Иногда руководство группы принимает решение о новых задачах, не связанных с совершением террористических актов, для отдельного члена группы. «Террористы могут перестать быть террористами, но могут продолжать вести деятельность, не менее важную для достижения целей движения. Принятие другой роли или функции в рамках более широкого движения - это в каком-то смысле своего рода разъединение» [9, p. 24].

Дж.Хоган предложил классифицировать процессы «разъединения» как добровольные или вынужденные (принудительные) и постоянные или временные. В ряде своих работ ученый говорит о том, что разъединение может осуществляться в двух видах - «физическом» и «психологическом» [13]. Этому, в частности, посвящена и работа «*Individual disengagement. A psychological analysis*» [9]. По его мнению, простейшим видом физического разъединения и эффективными способами, препятствующими дальнейшему участию боевика в соответствующих радикальных движениях, являются задержание, арест, заключение в тюрьму или смерть. Хотя проблему радикализации заключенных в тюрьмах не стоит сбрасывать со счетов.

К факторам, способствующим психологическому разъединению, Хоган отнес разочарование из-за несоответствия между идеалом и реальностями, выгорание, изменение личных приоритетов, вступление в брак и рождение детей, переход к ненасильственной борьбе, влияние наставника или друга и др. [9, p. 21]. Тема разочарования, например, звучит в опубликованных в середине 2010-х гг. интервью бывших боевиков ИГИЛ с Северного Кавказа, осужденных судом и добровольно обратившихся в комиссии по адаптации после освобождения. «Я, например, делал дело, которое по ошибке считал правильным, - пошел помогать людям в Сирии. Но увидел, что там что-то неладное, несправедливость, всё такое, и обратно приехал», - говорит Ахмед Асхабов из Ингушетии, бывший участник незаконного вооруженного формирования, воевавший на стороне ИГИЛ [14]. В целом процессы психологического разъединения обусловлены «кризисом идентичности, чувством разочарования в своей личности и попыткой найти альтернативную, более удовлетворительную роль» [9, p. 21].

Часто разъединение на физическом уровне может не привести к каким-либо изменениям или уменьшению идеологического, социального, психологического влияния со стороны исламистской группы.

Д-р Гордон Клабб (Университет Лидса, Великобритания) предлагает термин «избирательное разъединение»; примером последнего, по его мнению, может быть экстремист, заявивший о том, что его цели - только военнослужащие, а не гражданские лица [15]. Однако, как и концепция смены ролей, избирательное разъединение не предполагает воздержания от насилия или разрыва с радикальной группой. Например, Доку Умаров, возглавивший в 2006 г. «Имарат Кавказ» (организация запрещена в РФ), в 2012 г. провозгласил, что отныне его боевики будут наносить точечные удары исключительно по объектам силовых структур, армии и спецслужб России, но не по гражданскому населению, что в целом мало способствовало снижению градуса активности радикальных исламистов на Северном Кавказе.

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ - ЭТО ИЗМЕНЕНИЕ УБЕЖДЕНИЙ И ЦЕННОСТЕЙ

В 2010 г. вышло коллективное исследование «*Deradicalizing Islamist Extremists*» [6]. По мнению авторов, ни «смена ролей», ни избирательное разъединение не влечет воздержания от насилия или разрыва с радикальной группой. Поэтому нельзя считать эти категории подходящими для описания процесса разъединения [6, p. 5].

Принципиальное различие между дерадикализацией и разъединением заключается в том, что дерадикализация предполагает изменение основных целей и ценностей члена радикальной исламистской группы. Если разъединение влечет за собой изменение поведения и отказ от насилия, часто инструментальное, например из-за успешных контртеррористических мер правительства или финансовой поддержки, предлагаемой в программах дерадикализации (особенно щедрой в программах Саудовской Аравии), то дерадикализация предполагает изменение основных ценностей. «Настоящая и успешная программа дерадикализации должна изменить основные убеждения человека, а не просто изменить его поведение» [6, p. 6].

Именно дерадикализация способна снизить риски возвращения людей к террористической деятельности: если работа с экстремистами не остановится на стадии разъединения, а продолжится до стадии дерадикализации, именно это создаст препятствия для рецидивизма.

В ЧЁМ ПРОБЛЕМЫ С ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЕЙ ИСЛАМИСТОВ?

Следует принимать во внимание, указывают авторы «*Deradicalizing Islamist Extremists*», что выход из радикальной исламистской организации с определенной идеологией и мотивацией, не совсем аналогичен

выходу из уличной банды или преступной группы. Выход из исламистской группы предполагает отказ от участия в вооруженной борьбе, отказ от радикальной идеологии. Авторы исследования обоснованно считают, что именно религиозные авторитеты должны сформулировать с точки зрения шариата, почему насилие неприемлемо для мусульманина.

В работе «*Deradicalizing Islamist Extremists*» продвигается подход, основанный на том, что в ходе реализации программ дерадикализации необходимо взаимодействие (по терминологии авторов исследования - «двойной фокус») между радикалами-исламистами и исламскими учеными. Исламские ученые получают возможности для дискуссий, в ходе которых могут выявить манипуляции религиозными текстами со стороны лидеров экстремистских групп. В ходе этих дискуссий ученые предлагают контрнарративы, основанные на религиозном обосновании необходимости дерадикализации. Открытый спор и дискуссия по поводу радикальных учений более эффективны для достижения целей программ дерадикализации [16].

Одно из ключевых убеждений радикалов заключается в том, что для воссоздания исламского государства мусульмане должны не только придерживаться строгого салафитского ислама, но также вести вооруженный джихад против врагов ислама, включая немусульманские страны и нынешних правителей мусульманских государств, которые, по их мнению, вытеснили власть Бога своей собственной. Практики дерадикализации должны быть направлены на «отказ от этого вероучения, особенно от убеждений в допустимости применения насилия против гражданского населения, отлучения мусульман, не придерживающихся взглядов радикалов (такфир), и противодействия демократии и концепциям гражданского общества свободы в современном понимании демократических обществ» [6, pp. 2-3].

Задача программ дерадикализации - противопоставить идеологии террористов мнение авторитетных мусульманских ученых, алимов и профессоров исламских университетов. В качестве положительного примера можно привести принципиальную позицию Духовного управления Республики Северная Осетия-Алания (ДУМ РСО-А) и муфтия Хаджимурада Гацалова в период нарастающего оттока мусульман Северного Кавказа в Сирию для участия в военных действиях на стороне ИГИЛ.

ДУМ РСО-А стало первым в России Духовным управлением, принявшим фетву, прямо запрещающую местным мусульманам участвовать в войне в Сирии. «Людам, не имеющим основательных знаний по Исламу и не имеющим правильного представления о происходящем в Сирии, запрещается побуждать к участию в войне в Сирии, также вдаваться в рассуждения относительно правоты или правильности групп, находящихся там»⁵. Позднее к ДУМ Северной Осетии-Алании присоединились ДУМ Чеченской Республики и ДУМ РФ. Ранее, в 2013 г., 29 мусульманских общин Северной Осетии приняли фетву о неприменимости к республике термина «дар аль-харб» («территория войны»), поскольку в РСО-А «мусульмане живут в условиях безопасности, пользуются религиозной свободой, гарантированной Конституцией России, и совершают исламские обряды». «Недопустимо объявлять и вести военные действия, ибо это противоречит шариату, - говорится в документе. - Долгом же являются воспитание, призыв к Исламу, джихад с помощью слова, мудрость и доброе увещание, и ведение диалога наилучшим образом - ради применения Закона Аллаха во всей его полноте»⁶. Эти фетвы в комплексе других мер сыграли свою позитивную роль в том, чтобы удерживать молодежь Северной Осетии-Алании от массового отъезда в Сирию, от необдуманных шагов, способных сломать их судьбы.

УРОКИ ДЛЯ ПРАКТИКОВ

Авторы исследования «*Deradicalizing Islamist Extremists*», анализируя жизненные траектории людей, покинувших террористические группы (а это не только исламисты, но члены правых радикальных групп, члены деструктивных религиозных сект, члены уличных банд), считают, что они аналогичны и могут дать практикам определенные уроки.

Во-первых, психологам, работающим в программе дерадикализации, важно обратить внимание на травмирующее событие, триггер, способный побудить человека покинуть радикальную группу, и использовать его в своей аргументации.

Во-вторых, правительство должно сочетать репрессивные и мягкие меры: «двойная стратегия, включающая как жесткие, так и мягкие меры, - лучший способ побудить людей покинуть группу боевиков» [6,

⁵ Обращение Религиозного совета Республики Северная Осетия - Алания к мусульманам Республики Северная Осетия - Алания. Цит по: Сотниченко А.А. Сборник научно-исследовательских и аналитических материалов по межнациональным отношениям для населения и муниципальных служащих: ИГИЛ: угроза для России и пути ее преодоления. СПб, 2015. Приложение 1. С. 36.

⁶ Фетва о неприменимости термина «Дар аль-Харб» к Республике Северная Осетия - Алания. <http://islamsetia.ru/2013/05/28/1-r-9/> (accessed 09.09.2022)

р. XV]. Правительство может предложить не только силовые контртеррористические меры, но и стратегические стимулы, увеличивающие выгоды разъединения.

В-третьих, программы, направленные на то, чтобы радикальные исламисты отказались от своих убеждений, должны продолжаться в виде консультаций и психологической и социальной поддержки, помощи в поисках работы и после того, как участник закончил свое участие в программе.

В-четвертых, следует принимать во внимание, что слова и действия человека не всегда отражают его цели. Радикальные исламисты, находящиеся в местах заключения, часто участвуют в программах дерадикализации и ради досрочного освобождения дают своим наставникам искаженную информацию. Какая-то категория исламистов останется непримиримыми радикалами, они не откажутся от применения насилия и от своих убеждений. Например, по данным 2010 г., участники саудовской программы дерадикализации возвращались к террористической активности в 9,2% случаев, среди них и бывшие узники Гуантанамо, ранее эти показатели были более высокими и составляли 20%⁷.

Не менее красноречивый пример можно привести из российской практики: Бамматхан Шейхов, лидер буйнакских боевиков во второй половине 2000-х гг., имевший большой авторитет среди вооруженного подполья не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа. Шейхов сдался силовикам в 2008 г. под гарантии министра внутренних дел Дагестана А.Магомедтагирова, обещавшего, что к нему будет применена амнистия. В то время добровольная сдача одного из лидеров бандподполья имела огромный резонанс. Верховный суд Дагестана, сняв с Шейхова большинство обвинений, на три года отправил его в колонию за участие в НВФ. Выйдя оттуда досрочно в 2010 г., Б.Шейхов через полгода вернулся в лес и был ликвидирован в результате спецоперации в 2013 г. [17].

Наконец, программы дерадикализации, как правило, не влияют на членов экстремистских групп, занимающих высокие уровни в иерархии. Хотя случаи, когда боевики отказались от экстремизма, известны. Так, Насир Аббас, один из лидеров террористической организации «Джемаа Исламия» (ДИ) [18], стал в 2004 г. ключевым свидетелем на процессе против лидера ДИ Абу Бакара Басира, отказался от применения насилия и даже стал оказывать содействие властям Индонезии и Малайзии в поимке террористов. Аббас участвовал в расследовании крупных терактов в Индонезии в 2002, 2003 и 2005 гг. «Мне пришлось исправить определение джихада, уточнить, что ни одна религия не учит убивать невинных мирных жителей», - сказал Насир Аббас в одном из интервью [19].

Даже если практики, работающие с осужденными радикалами в тюрьмах, допускают, что именно «разъединение», т.е. выход из экстремистской группы, является реальной целью для государственных программ, это не означает, что дерадикализация невозможна. В некоторых случаях разъединение может фактически стать первым шагом на более длительном пути в практической реализации программ дерадикализации, направленных на противодействие исламистскому экстремизму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в западноевропейской академической литературе сложилась историография проблемы дерадикализации исламистов, вышли фундаментальные исследования, определяющие методологию и теоретические подходы к проблеме. Ключевыми терминами дискурса дерадикализации стали понятия «разъединение» и «дерадикализация». Под первым понимается отказ от применения насилия, но сохранение своей идеологии, взглядов, ценностей. Дерадикализация предполагает, что в результате программ дерадикализации их участник не только изменит свое поведение и откажется от применения насилия, но и воспримет новую систему ценностей и установок, в которой насилие для достижения политических целей будет неприемлемым. Большая роль в программах дерадикализации, как отмечается в литературе, должна отводиться исламским ученым, алимam, религиозным авторитетам. В ходе открытых дискуссий они на основании шариата способны доказать участнику программы неприемлемость применения насилия.

Следует принимать во внимание, что программы редко оказывают влияние на мотивированных экстремистов, занимающих высокое положение в иерархии экстремистской группы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Schmid A., & Price E. 2011. Selected Literature on Radicalization and De-Radicalization of Terrorists: Monographs, Edited Volumes, Grey Literature and Prime Articles published since the 1960s. *Crime, Law and Social Change*. 2011. № 55(4). Pp. 337-348. <https://doi.org/10.1007/s10611-011-9287-4> (accessed 20.06.2022)

⁷ A new approach? Deradicalization programs and counterterrorism. International Peace Institute. June 2010. https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/publications/a_new_approach_epub.pdf (accessed 10.09.2022)

2. Сокирянская Е.Л. Уверенный шаг в будущее? Исследование социально-психологических и адаптационных потребностей членов семей бывших боевиков на Северном Кавказе. Март 2020. <https://cap-center.org/doklad-uverennyj-shag-v-budushhee/> (accessed 29.04.2022)
Sokirianskaia E.L. A confident step into the future? Study of the socio-psychological and adaptive needs of family members of former militants in the North Caucasus? 2020. (In Russ.) <https://cap-center.org/doklad-uverennyj-shag-v-budushhee/> (accessed 29.04.2022)
3. Koehler D. Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. London, Routledge, 2017.
4. Bjorgo T. Processes of disengagement from violent groups of the extreme right. In T. Bjorgo and J. Horgan (Eds.) *Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement*. London: Routledge, 2009. Pp. 30-48; Feddes A. R. Socio-psychological factors involved in measures of disengagement and deradicalization and evaluation challenges in Western Europe. 2015. Retrieved from <http://www.mei.edu/sites/default/files/Feddes.pdf> (accessed 29.01.2022); Ferguson N. Disarmament, demobilization, reinsertion and reintegration: The Northern Ireland experience. In N. Ferguson, (Ed.), *Post Conflict Reconstruction*. Newcastle: CSP. 2010. Pp. 151-164.
5. Ashour O. The deradicalization of jihadists: Transforming armed Islamist movements. Oxon: Routledge, 2010.
6. Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J.J., Boucek Ch. Deradicalizing Islamist extremists. 2010. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2010/RAND_MG1053.pdf (accessed 09.09.2022).
7. Demant F., Sloomman M., Buijs F. & Tillie J. Decline and disengagement. An analysis of processes of deradicalisation. IMES Amsterdam, 2008. P. 13.
8. Braddock K. The talking cure? Communication and psychological impact in prison de-radicalisation programmes. In A. Silke (Ed.), *Prisons, terrorism and extremism: Critical issues in management, radicalization and reform*. London: Routledge, 2014. P. 60.
9. Horgan J. Individual disengagement: a psychological analysis. In Tore Bjørgo and John Horgan, eds., *Leaving terrorism behind: individual and collective disengagement*. New York: Routledge, 2008. Pp. 17-29.
10. Bjørgo T. and Horgan J. Introduction. In Tore Bjørgo and John Horgan, eds. *Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement*, New York: Routledge, 2008. Pp. 19-32.
11. Horgan J. Deradicalization programs: recommendations for policy and practice. Washington, D.C.: RESOLVE Network, August 2021. P. 1. <https://doi.org/10.37805/pn2021.18.vedr> (accessed 09.09.2022)
12. Horgan J. and Braddock K. Rehabilitating the terrorists? Challenges in assessing the effectiveness of de-radicalization programs. *Terrorism and Political Violence*. 2010. Vol. 22. Pp. 267-291.
13. Horgan J. Deradicalization or disengagement? A process in need of clarity and a counterterrorism initiative in need of evaluation. *Perspectives on Terrorism*. February 2008, Vol. 2. № 4. P. 4.
14. Розанов Д. «Там гражданская война, как и на Украине». Интервью россиянина, воевавшего на стороне ИГИЛ и вернувшегося к мирной жизни. *Газета.ру*. 05.08.2015.
Rozanov D. "There is a civil war, as in Ukraine." Interview of a Russian who fought on the side of ISIS and returned to civilian life. *Gazeta.ru*. 05.08.2015. (In Russ.) https://www.gazeta.ru/politics/2015/08/05_a_7669209.shtml?updated (accessed 10.09.2022)
15. Clubb G. Re-evaluating the disengagement process: The case of Fatah. *Perspectives on Terrorism*. 2009. Vol. 3. № 3. September 2009. P. 27.
16. Sageman M. Leaderless jihad. Terror networks in the twenty first century. University of Pennsylvania Press, 2008.
17. Сергеев Н. Спецназ ФСБ зачехлил меч Аллаха. *Коммерсантъ*. 20.08.2013.
Sergeev N. FSB special forces sheathed the sword of Allah. *Kommersant*. 20.08.2013. (In Russ.)
18. O'Brien N. Interview with a former terrorist: Nasir Abbas' deradicalization work in Indonesia. *CTC Sentinel*. November 2008. Vol. 1. Issue 12. <https://www.ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2010/06/Vol1Iss12-Art7.pdf> (accessed 09.09.2022)
19. Renaldi A. Meet the former mujahideen behind Indonesia's fight against terrorism. *Vice Media Group*. 05.05.2017. <https://vice.com/en/article/nz8beg/meet-the-former-mujahideen-behind-indonesias-fight-against-terrorism> (accessed 09.09.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Нефляшева Наима Аминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Naima A. Nefliasheva, PhD (History), Senior Researcher, Associated Professor, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.11.2022